

МОЛОДЫЕ ВЗРОСЛЫЕ: СУПРУЖЕСТВО, ПАРТНЕРСТВО И РОДИТЕЛЬСТВО. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Жанна Чернова, Лариса Шпаковская

Жанна Чернова – доцент Санкт-Петербургского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики. Адрес для переписки: ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190080, Россия. Адрес электронной почты: chernova30@mail.ru.

Лариса Шпаковская – доцент Санкт-Петербургского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики. Адрес для переписки: ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190080, Россия. Адрес электронной почты: lara@eu.spb.ru.

При написании статьи использованы интервью, собранные в рамках двух проектов: 1) индивидуальный исследовательский проект Жанны Черновой № 10-01-0038 «Молодые взрослые: в поисках баланса между семьей и карьерой», выполненный при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ»; 2) проект гендерной программы Европейского университета в Санкт-Петербурге «Новые формы организации отношений в гетеросексуальных парах молодого поколения: что такое гражданский брак?» (фонд Генриха Белля, 2009).

Данная статья посвящена анализу нормативных предписаний относительно супружеских и родительских ролей, представленных в официальном дискурсе, и тех смыслов, которые приписывают молодые люди партнерству и супружеству, материнству и отцовству. Выявление совпадений и разрывов между дискурсивными и повседневными представлениями об обязанностях и свободах, которыми должны и могут обладать представители данной возрастной категории, позволит концептуализировать понятие «молодые взрослые» и варианты его наполнения в сфере семейных отношений и родительства. В статье выделяются два основных смысловых поля, в которых дискурсивные предписания и повседневные смыслы вступают в противоречие: представления о семье и браке (супружество vs. партнерство), с одной стороны, и представления о родительстве (традиционное vs. современное) – с другой. В заключении результаты сравнительного анализа официального дискурса и повседневных представлений о супружестве и родительстве в России помещены в контекст общемировых тенденций «реструктуризации

интимности», представленных в дискуссии о втором демографическом переходе (см. последний раздел статьи).

Для решения поставленных задач в работе используются два типа источников социологической информации: 1) законодательство, программные документы, заявления и выступления политиков федерального уровня в отношении «молодой семьи», семьи и молодежи за период с 2005 по 2010 год; 2) интервью с молодыми мужчинами и женщинами (20–30 лет) – жителями Санкт-Петербурга, состоящими в партнерских незарегистрированных союзах. Анализ программных документов и законодательства позволяет выделить основные смысловые конструкции семьи, характерные для официального государственного политического дискурса, нормативные предписания в отношении брачного и репродуктивного поведения молодежи. Интервью дают возможность реконструировать повседневные смыслы, приписываемые молодыми людьми партнерству и супружеству, а также будущему родительству.

«МОЛОДЫЕ ВЗРОСЛЫЕ» КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Категория «молодые взрослые» стала активно использоваться в социальных исследованиях на Западе, прежде всего в социальной психологии, демографии и социологии с конца 1980-х годов. Появление данного понятия было связано с изучением жизненного цикла (life course). Концепция жизненного цикла базируется на представлении о том, что на разных этапах человеческой жизни социальные и психологические характеристики индивида непосредственно связаны не только с биологическим возрастом, но и с теми культурными и социальными значениями, которые ему приписываются в обществе (Аръес 1999; Гидденс 2005; Featherman 1983; Handbook of the Life Course 2002). В рамках этого подхода традиционно выделяются следующие этапы жизненного пути: детство, юность (молодость), зрелость и старость. Однако происходящее в современных западных обществах увеличение как количества молодых людей, получающих высшее образование, так и продолжительности периода обучения в целом, изменение моделей занятости, а также трансформация семейных и репродуктивных паттернов создали предпосылки для выделения молодых взрослых как особой стадии личностного развития индивида (Гидденс 1999: 89). На сегодняшний день в научном дискурсе не сложилось однозначного определения данной категории, существуют различные попытки концептуализации этого понятия, ведутся дебаты о том, как определить возрастные границы, интерпретировать конфигурацию социальных, профессиональных и семейных моделей поведения, соответствующих данному этапу жизненного пути. Тем не менее общим является представление о том, что, во-первых, увеличивается период достижения индивидом профессиональных и семейных статусов, традиционно относящихся к этапу взрослой жизни, таких как карьера, стабильная работа, брак и дети. Во-вторых, западные развитые общества готовы предоставить молодым людям «тайм-аут» для самоопределения и осуществления значимых жизненных выборов. Прежде всего это относится к представи-

телям среднего и высшего класса, выходцы из которых имеют достаточный объем экономических, социальных и культурных ресурсов для того, чтобы воспользоваться подобной отсрочкой. Таким образом, в данную категорию входят молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, которые сознательно остаются в ситуации неопределенности, откладывая для себя момент принятия окончательных решений относительно карьеры, семьи и рождения детей, пользуясь теми преимуществами ограниченной ответственности и свободы выбора, которые предоставляет им это «переходное» состояние (Arnett 2004: 3–26).

В данной работе мы будем использовать понятие «молодые взрослые», придав ему социологический смысл и продемонстрировав, что возраст выступает важной категорией для классификации и позиционирования индивидов в социальном пространстве, предписывая им определенных моделей поведения (прежде всего со стороны официального дискурса в отношении семьи и репродукции), а также выстраивания и реализации индивидуальных жизненных проектов. Это может быть в полной мере отнесено ко всем этапам жизни, однако, на наш взгляд, именно категория «молодые взрослые» наиболее ярко демонстрирует разрывы и совпадения между дискурсивными предписаниями и повседневными практиками и теми смыслами и значениями, которые приписывают им акторы в своей приватной жизни. Сфера семейных отношений и родительства выступает той областью, где в последнее время достаточно активно сосуществуют и/или сталкиваются интересы государства и индивидуальные жизненные стратегии. Так, именно молодые взрослые, с одной стороны, являясь одним из приоритетных объектов государственной политики, выступают «демографическим резервом» для решения задач по повышению рождаемости в России. С другой стороны, особенность их социальной позиции предоставляет им большую степень свободы и возможностей жизненного выбора по сравнению с зависимым положением детей и подростков или высокой степенью ответственности за других, характерной для представителей старшего возраста.

Как в западном, так и в российском обществе к молодым взрослым можно отнести молодых представителей образованного городского среднего класса. Они имеют высшее образование, ориентированы на профессиональную самореализацию и выстраивание успешной карьеры, отдавая предпочтение мобильности и личной свободе взамен долгосрочным трудовым обязательствам и гарантированной стабильности. Появление данной группы связано с возникновением и развитием секторов экономики нового типа, основанной на принципах снижения производственных издержек, мобильности капитала и гибкой рабочей силы (Бауман 2008: 162–163). Молодые взрослые – это профессионалы, работающие в таких сферах, как информационные технологии, финансы, услуги, маркетинг, реклама, дизайн и логистика. С точки зрения условий занятости, молодые профессионалы работают по найму как на постоянной основе, так и по временным контрактам, предпочитая такие формы занятости, как «фриланс», гибкий рабочий график, возможность работать вне офиса. По уровню доходов и стилю потребления они ориентированы на стандарты жизни среднего класса: регулярную покупку продуктов в крупных супермаркетах, посещение торговых комплексов, кафе и ресторанов, а также путе-

шествия во время отпуска, трату денег на занятия спортом и культурное потребление¹. Для них высока ценность приватной жизни: как и в профессиональной сфере, в личной жизни они также по возможности избегают институционально закрепленных форм отношений, жестко регламентированных ролей. Конституирующим элементом молодых взрослых как социальной группы является личная автономия, проявляющаяся в профессиональных и личных траекториях, а также в организации частного пространства. Молодые взрослые, обладая достаточными экономическими, социальными и образовательными ресурсами, позволяющими им «отодвигать» время совершения значимых жизненных выборов как в профессиональной, так и семейной сферах, выстраивают жизненный проект как результат индивидуального поиска оптимального баланса между стремлением к самореализации и ролевыми ожиданиями. В российском обществе именно данная группа выступает средой, в которой осуществляются социальные инновации в сфере семьи, происходит «трансформация интимности». Вместе с тем молодые взрослые становятся объектом пристального внимания со стороны государства в рамках проводимой семейной политики. Сфера семейных отношений и родительства выступает той областью, где в последнее время достаточно активно сосуществуют и/или сталкиваются интересы государства и индивидуальные жизненные стратегии.

СУПРУЖЕСТВО VS. ПАРТНЕРСТВО: ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ПРАКТИКА МОЛОДЫХ ГОРОЖАН

Современные социальные теоретики отмечают коренные изменения, произошедшие в обществах западного типа в сфере супружества и брачного поведения (Luhmann 1986; Бауман 2008; Бек 2000; Гидденс 2004). В частности, Энтони Гидденс показывает, что брак и семья приобрели совершенно иные значения, чем 40 или 30 лет назад. Трансформация интимности происходит путем постепенного отказа от традиционного супружеского брака в пользу партнерства. В результате брак утрачивает значение формального института, непосредственно связанного с контролем над сексуальностью индивидов и деторождением, поддерживаемого традицией и правилами гендерного разделения труда (между мужем-кормильцем и женой-домохозяйкой). Он перестает быть единственной сферой самореализации и идентификации для женщин, все больше вовлекающихся в сферу оплачиваемой занятости, и, что наиболее важно, перестает быть единственной легитимной формой организации интимности (Гидденс 2004). Партнерство представляет совершенно иной тип интимного союза, который связан с взаимным выбором и предпочтением партнеров; это открытый проект, включающий «комплекс взаимодействий, который требует постоянных переговоров и работы над собой» (Гидденс 2004: 36). Анализируя многообразие форм интимных союзов в западных постиндустриальных странах, исследователи приходят к выводу о том, что сегодня релевантность для выделения пары утратил не только критерий официальной регистрации брака, но

¹ О потребительских предпочтениях и стилях жизни городского среднего класса Санкт-Петербурга см. Гладарев и Цинман 2009, Шпаковская 2009.

даже критерий совместного проживания и наличия общего хозяйства. Значимость имеют только сексуальная основа союза (как правило, но не обязательно, подразумевающая сексуальные отношения с одним партнером) и степень переживаемой общности жизни, исключительной значимости присутствия другого. При этом подразумевается, что партнерство представляет собой континуум отношений, в который попадают как официально зарегистрированные браки, так и варианты сожительства с детьми и без детей, а также такие формы отношений, как гостевой брак («living apart together» – LAT, отношения, в которых партнеры проводят совместно время, но не ведут общего хозяйства), шпигатный брак (отношения, при которых партнеры живут в разных странах/регионах, встречаясь время от времени, часто на «нейтральной территории») и те союзы, которые рассматриваются партнерами как прямая альтернатива браку (Seltzer 2000; Вовк 2005; Захаров 2006). При этом исследователи подразумевают, что партнерство не является стабильным, раз и навсегда заданным, оно может изменяться с течением времени. Например, гостевой брак может постепенно перерасти в сожительство, а затем, при определенных условиях, стать официально зарегистрированным браком (Seltzer 2000). Эти изменения в сфере организации интимности характерны не только для западных обществ, но и для российского (Вовк 2005; Захаров 2006), при этом они не являются одномоментным, глобальным «тектоническим сдвигом», а сложным гетерогенным процессом, участниками которого становятся молодые мужчины и женщины в течение нескольких поколений и который протекает неодинаково в разных социальных средах (Гидденс 2004). Рассмотрим далее, как происходит (и происходит ли) трансформация интимности в российском обществе с точки зрения официального дискурса, с одной стороны, и молодых представителей городского образованного среднего класса – с другой.

В официальном дискурсе российской социальной и семейной политики рассматриваемая нами категория «молодые взрослые» встраивается в риторiku по поводу «молодой семьи». Послание президента Российской Федерации Федеральному собранию 2006 года было знаковым для формирования современной модели семейной политики в России (Гурко 2008: 11). Если в начале 2000-х годов в нашей стране только намечился переход к эксплицитной пронаталистской направленности действий государства в отношении семьи, а социальная политика в целом имела черты либеральной модели, нацеленной на поддержку наиболее нуждающихся категорий граждан, то после Послания-2006 стало очевидным, что преодоление демографического кризиса и решение «семейного вопроса» являются «пятым» национальным проектом. Обозначился устойчивый переход в направленности государственной поддержки: от предоставления помощи малоимущим и нуждающимся гражданам к сосредоточенности на «благополучной» семье, что нашло выражение в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, утвержденной 8 мая 2007 года Министерством образования и науки России. В данном документе впервые молодая семья выделяется как отдельный тип семьи, по отношению к которой должна проводиться особая политика государства. Далее более подробно рассмотрим некоторые положения Концепции.

Необходимость разработки и реализации специальной государственной политики в отношении молодых семей открыто артикулируется в связи с положе-

ниями двух принципиально важных документов, формирующих каркас современной семейной политики России – уже упомянутое президентское Послание 2006 года и Концепция демографического развития Российской Федерации до 2025 года. Кроме этого, выделяется ряд «объективных и субъективных факторов», определяющих целесообразность введения молодежной семейной политики. К ним относится, во-первых, «количественный» показатель: к 2006 году в Российской Федерации насчитывалось более 6 млн молодых семей – это около 20 млн граждан. Для сравнения можно привести данные о том, что численность населения Российской Федерации на 1 августа 2006 года – 142,4 млн человек, то есть живущие в зарегистрированном браке молодые люди составляют одну седьмую часть населения в целом. Во-вторых, негативные демографические тенденции, связанные со стремительным старением населения, делают молодежь, по мнению разработчиков Концепции, важным «демографическим резервом» как с точки зрения пополнения трудовых ресурсов в будущем, так и для решения демографических проблем. Репродуктивный потенциал, которым обладают молодые семьи (приводятся данные о том, что три четверти от общего числа детей появляются у родителей моложе 30 лет), также наделяет их особой значимостью в глазах государства, предпринимающего определенные действия в отношении семьи в целом. Как отмечается в Концепции, «эти меры ориентированы на решение проблем демографической ситуации в стране, что определяется стратегическим курсом государства, в этой части отраженным в Послании президента Российской Федерации». В-третьих, отмечаются высокие риски молодой семьи, связанные с ее нестабильностью и высоким уровнем разводов. Так, одна треть всех разводов приходится на семьи, существующие менее года, еще одна треть – с брачным стажем от года до пяти лет; вероятность развода лиц до 20-летнего возраста в два раза выше. Высокая степень нестабильности такой категории семей связана с «молодостью» – определенным этапом жизненного цикла как индивида, так и самой семьи, заключающимся в адаптации молодых людей к новым семейным и родительским ролям. Отмечается, что средний возраст вступления в брак – 22,2 лет для женщин и 24,4 лет для мужчин, около 70% браков заключаются впервые. С молодостью супругов, которые фактически только закончили вузы и находятся на старте профессиональной карьеры, связано то (и это особо подчеркивается в Концепции), что молодые семьи, по сравнению с другими типами семей, находятся в более сложном материальном положении и, как следствие, нуждаются в поддержке как со стороны государства, так и со стороны родителей молодых супругов. Выделение двух типов социальных агентов – государства и старшего поколения как важных поставщиков благосостояния – позволяет говорить об усилении патернализма (в государственном и традиционном смысле) и приписывании молодой семье пассивной роли объекта заботы.

Важным моментом, представленным в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, является негативная оценка результатов предшествовавшей государственной семейной политики – как советской, так и российской постсоветской. Эта политика признана неэффективной, то есть не приведшей к таким ожидаемым результатам, как стабильно высокий уровень рождаемости,

снижение числа разводов, укрепление семейных ценностей. Причина неудач, по мнению авторов Концепции, кроется в «недооценке» молодой семьи как особой категории, отсутствии молодежной семейной политики как «самостоятельного направления социальной политики». При этом отмечается, что и сейчас политика государства в отношении молодой семьи четко не прописана, а предмет такой политики концептуально не разработан. В современном варианте семейная политика, связанная с защитой материнства и детства и нормативным регулированием семейно-брачных отношений, адресована «не молодой семье как институту», а отдельным ее членам. Таким образом, аргументируется необходимость придать молодой семье особый социокультурный и правовой статус в обществе, разработать «концептуальные основы молодежной семейной политики как самостоятельного направления государственной семейной политики». Иными словами, молодая семья выделяется в качестве особого объекта, в отношении которого необходимо разрабатывать и реализовывать специальную семейную политику, основанную на патернализме как со стороны государства, так и представителей старшего поколения.

Что же представляет собой молодая семья как объект особого внимания государства? К молодой семье в Концепции относится семья, возраст каждого из супругов в которой не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя в возрасте до 30 лет, а также одного и более детей (Постановление 2005). В категорию «молодая семья» не включаются супруги в возрасте до 30 лет, не имеющие детей. Другими словами, молодая семья приобретает статус в глазах государства при соблюдении двух условий: наличие зарегистрированных отношений супругов и наличие как минимум одного ребенка. Целью государственной политики, заявленной в Концепции в отношении семьи, является «становление и развитие благополучной молодой семьи и улучшение качества ее жизни; обеспечение выполнения молодой семьей социально-демографических функций, в том числе стимулирование рождаемости детей и их воспитания».

Как можно увидеть, в качестве нормативной модели семьи, на которую ориентируется государство в своей политике, выступает «благополучная молодая семья». Это важная категория для данного документа, в нем достаточно детально прописано, что представляет собой «модель благополучной молодой семьи», каковы показатели уровня благополучия молодой семьи как социального института. Модель «благополучной молодой семьи» предполагает наличие юридически оформленных отношений между супругами: «благополучной считается та семья, члены которой проживают в зарегистрированном браке»; это полная семья: «благополучная семья должна быть полной и состоять из супружеской пары (родителей) и детей»; она предполагает выполнение «репродуктивной нормы»: «благополучная семья должна иметь такое количество детей, которое обеспечивает расширенное воспроизводство населения по данному региону». В качестве показателей уровня благополучия молодой семьи как социального института выделяются следующие индикаторы: «обеспечение воспроизводства физически здорового и психически полноценного потомства; обеспечение в надлежащей степени полноценного воспитания и социализации детей; обеспечение формиро-

вания российского самосознания, гражданственности и преемственности народных и национальных социокультурных ценностей у своих детей». Ожидаемыми результатами реализации Концепции является повышение ценности семьи и семейного образа жизни, что должно найти конкретное выражение в «минимизации доли “гражданских” браков в общем числе браков, приводящих к созданию молодых семей»; повышение уровня рождаемости, что будет способствовать стабилизации и улучшению демографической ситуации при одновременном снижении количества внебрачных рождений, а также «укрепление молодой семьи, что будет способствовать снижению числа разводов и уменьшению числа неполных семей», и, наконец, «значительное развитие семейных форм воспитания: увеличение количества семей с усыновленными детьми, опекунских, приемных и патронатных семей».

Концепция государственной политики в отношении молодых семей, так же как и семейная политика в современном варианте, носит явно пронаталистский характер, в ней присутствуют неотрадиционалистские черты: фокус на зарегистрированные браки, стимулирование рождаемости, принятие за норму только «благополучной» полной модели семьи. Выделение молодой семьи как особого объекта социальной политики и обоснование необходимости разработки специального направления молодежной семейной политики можно интерпретировать как попытку конституирования молодежи в качестве «демографического резерва», нацеленного на выполнение социальных функций и репродуктивных установок. Этот резерв формируется посредством введения возрастного ценза (до 30 лет), обусловленного репродуктивным потенциалом молодежи. При этом отдается однозначное предпочтение формально зарегистрированным союзам и полным семьям. К тому же обозначается «репродуктивная норма», на выполнение которой должна быть ориентирована молодая семья, претендующая на статус «благополучной». Таким образом, концептуализация модели «благополучной молодой семьи» – такой полной семьи, в которой родители состоят в зарегистрированном браке и воспитывают не менее двух биологических детей – направлена на формирование и институционализацию четко прописанной нормы семейных отношений. Все другие типы семьи маркируются как неблагополучные и отклоняющиеся, а все многообразие семейных и родительских отношений сводится к одному нормативному образцу. Последний конституируется через отсылку к биологическому возрасту и тем институционально закрепленным социальным ролям, которые должны, с точки зрения государства, выполнять представители этой когорты (Чернова 2010). Но повседневные значения супружества, его возрастные границы, способы определения, формы и контексты существования оказываются гораздо более многообразными. Как отмечает Елена Вовк, по данным социологических опросов, в современной России в браке состоят 52% граждан, а 16% поддерживают отношения, в том или ином смысле альтернативные браку. При этом большая часть этих альтернативных союзов приходится на возрастные группы до 30 лет (Вовк 2005). В повседневном языке понятие «семья» также имеет более широкие коннотации. Молодые мужчины и женщины – представители городского образованного среднего класса, принявшие участие в нашем исследовании, имеющие про-

должительный опыт совместного проживания – могут определять свои отношения как семейные: «семья», «совместная семейная жизнь», так и использовать альтернативные дефиниции: «я бы сказала, что мы любим друг дружку и живем вместе, просто...», «любимые, любящие мужчина и женщина, то есть, как девушка и молодой человек». Зарегистрированный брак при этом выступает для них точкой референции, с учетом которой молодые люди определяют статус своего союза.

Приведем примеры того, как молодые мужчины и женщины, состоящие в партнерском союзе (без официальной регистрации брака и не имеющие детей), то есть не соответствующие официальному пониманию благополучной семьи, определяют статус своего союза, в какие смысловые рамки вписывают себя и опыт своих отношений. Всего можно выделить три типа понимания «гражданского брака», характерные для молодых взрослых: партнерство как альтернатива браку, партнерство как подготовка к браку и партнерство как аналог брака.

В первом случае партнерский союз рассматривается как альтернатива браку зарегистрированному. Такой тип отношений в большей степени характерен для респондентов в возрасте до 25 лет. Это то время, когда молодые люди начинают самостоятельную жизнь: они заканчивают учебу, начинают работать, у них появляются первые собственные ресурсы. Существенным фактором для создания партнерского союза выступает легитимная возможность отделиться от родителей, встать на ноги. В процессе совместного проживания партнеры создают свое автономное пространство: делают ремонт, приобретают первые предметы мебели и интерьера, конструируя таким образом чувство общности («мы») и свою независимость. Граница с официально зарегистрированным браком в таких парах четко определена. Партнеры отказываются называть свой союз браком, подчеркивая, что основным для них является качество отношений. Они не исключают для себя в дальнейшем возможности регистрации брака, однако для изменения статуса союза нужны весомые причины, одной из которых, по мнению респондентов, может выступать рождение ребенка. Возможность прекратить отношения в случае неудовлетворенности ими, потерпев при этом незначительные моральные и материальные издержки, «не попасть в такую ситуацию, из которой потом будет трудно выбраться», является привлекательным свойством сожительства. Партнеры опасаются, а иногда активно выступают против заключения брака, полагая, что формальное закрепление статусов и ролей неизбежно приведет к изменению качества отношений.

Я, честно говоря, не вижу, зачем это нужно [заключать брак]. То есть я реально боюсь даже регистрировать отношения, вступать в брак, потому что я боюсь, что *это разрушит наши отношения*, которые сейчас есть. Я ими дорожу, я не хочу, чтобы они испортились (Ангелина, 23 года).

Во втором варианте значений партнерство рассматривается молодыми представителями городского образованного среднего класса как этап подготовки к зарегистрированному браку, в процессе которого тестируются отношения, определяются возможные роли, их границы, потенциальные конфликты и способы их решений. Успешная взаимная адаптация заканчивается принятием решения о браке. Партнеры используют совместное проживание для того, чтобы понять,

«сможем мы быть вместе или нет». Выбор партнера и заключение брака, который представляется как «более серьезные и длительные отношения» по сравнению с сожительством, в этом случае являются сознательной, ответственной и рефлексивной стратегией.

Мы пожили вместе, мы... скажем так, пожив вместе, я поняла, что до того, как вступить в законный брак, начать жить вместе – хорошо. Несмотря на то, что многие в обществе ругают гражданский брак, он нужен, потому что бытовые моменты какие-то... В общем, надо понять, сможем быть вместе или нет, чтобы потом семья не распалась (Наташа, 27 лет).

Партнерство как пробный брак характерно для молодых людей уже старшей возрастной группы (26–30 лет). Партнеры уже задумываются о том, чтобы создать семью, и начинают оценивать друг друга с точки зрения возможного супружества. При этом граница между браком и сожительством становится менее отчетливой. Партнеры говорят о том, что их отношения практически ничем не отличаются от отношений супругов в зарегистрированном браке, полагая, что никаких изменений не произойдет и после регистрации.

Допустим, опять же, если бы Юра был свободен, а после брака стал ограничен в чем-то, наверно, это можно было бы назвать некоторым изменением, а поскольку этого изменения не предполагается – ну и ничего. Не знаю, по-моему, никак абсолютно [отношения не изменятся после регистрации брака], просто некоторая фишка, которую требуется сделать (Катя, 29 лет).

В третьем случае партнерство мыслится молодыми взрослыми как союз, фактически не отличимый от официально зарегистрированного брака. В этом случае респонденты практически без колебаний называют себя семьей, а друг друга – мужем и женой. К таким союзам в первую очередь относятся пары с детьми. Женщины, имеющие детей и состоящие в союзе такого типа, подчеркивают, что они не имели никаких сложностей при формальном установлении отцовства, получали в полном объеме пособия и льготы, которые полагаются матерям, состоящим в зарегистрированном браке. В этом случае респонденты были более склонны обсуждать вопросы разделения ролей и организации быта в связи с необходимостью ухода за ребенком, сетуя при этом на отсутствие свободного времени. Если в первых двух типах партнерских союзов отношения были представлены в рассказах респондентов как эгалитарные, договорные и малоконфликтные, то в третьем типе гендерные роли являются поляризованными, заданными правилами разделения домашнего труда между отцом и матерью, и потенциально конфликтные в связи с различиями в ролевых ожиданиях партнеров.

Партнерские союзы молодых людей дают возможность реконструировать смыслообразующий критерий, на основе которого они определяют себя как пару, проводят смысловые границы между зарегистрированным и «гражданским» браком. Говоря о восприятии брака и позиционируя свой союз в контексте нормативных семейных моделей, молодые люди активно используют понятие «отношения». «Отношения» – это то, что характеризует интимный союз и его качество (хорошие /

плохие отношения). «Отношения» не сводятся к семейным ролям мужа и жены, предписанным институтом традиционного брака, и часто мыслятся как противоположные им. Семейные роли воспринимаются как внешние институциональные требования, которым индивиды вынуждены подчиняться вне зависимости от своих желаний, в то время как «отношения» являются результатом постоянных переговоров, соглашений, сознательно выбранных ограничений на основе взаимной привязанности и любви. Они могут создаваться и поддерживаться исходя из индивидуальных потребностей партнеров, их представлений о совместной жизни; могут переопределяться в зависимости от изменившихся обстоятельств и этапов жизненного цикла партнеров. «Отношения» возникают как итог целенаправленной деятельности партнеров, связанной с определенной эмоциональной работой, работой по самоконтролю и самоограничению. Партнерство – это неписанный договор, который заключают обе стороны и берут на себя обязательства по поддержанию «хороших отношений», и который может быть расторгнут в случае их невыполнения. При этом потери при расторжении подобного негласного контракта воспринимаются как значимо меньшие, чем при расторжении официального брака. В этом контексте партнерство, подразумевая возможность более легкого выхода из союза, дает не только свободу выбора наиболее оптимального партнера, но и служит гарантом качества этих отношений.

Мне кажется, что дает сожительство, такие отношения, такой гражданский брак? Главное, что он дает понимание, что каждый человек свободен. И я понимаю, что Никита *свободен встать и уйти* в любой момент, и поэтому я сдержу себя и не скажу много чего, что я могла бы себе позволить, если бы я была замужем. Просто потому, что психология моя поменяется, просто я знаю, что если я выйду замуж, я буду думать где-то на подкорке, что просто так он не уйдет, и значит, я могу от него требовать больше, сказать больше того, что не нужно говорить (Ангелина, 23 года).

Отношения создаются в процессе переговоров. Партнеры договариваются друг с другом об организации самых разных сторон совместной жизни от сексуальных практик и репродуктивных планов до порядка использования общих вещей и организации ведения домашнего хозяйства. Совместные вещи и способы проведения досуга являются наиболее распространенными предметами договора в паре. Например, порядок использования машины и потребления алкоголя на вечеринках предполагает сложную калькуляцию, в результате которой права обоих партнеров оказываются соблюдены в равной степени. При этом гендерная асимметрия отсутствует и заменяется прагматическим эгалитаризмом, предполагающая не только эмоциональную работу со стороны обоих партнеров, но и высокую степень рациональности построения отношений.

Мы ввели такую систему: [один] рулит [имеется в виду – ведет машину], а другой, соответственно, пьет, через один. В принципе, в пределах двух поинт ты можешь копить, то есть попросить человека, если какое-то значимое событие и тебе надо реально пить, а тут твоя очередь рулить. В пределах двух ты можешь занять, а так соблюдается очередность через один. Если ты просишь,

то человек, соответственно, получает право в какой-то момент попросить тебя порулить. На самом деле работает, очень удобно (Света, 27 лет).

Безусловно, договорной характер отношений характерен не только для незарегистрированных партнерских союзов, но именно такие случаи иллюстрируют его ярче всего, так как в партнерских союзах переговоры с целью достижения «хороших отношений» приобретают характер системы и смыслообразующей практики. «Отношения», о которых рассказывают респонденты, в полной мере совпадают с понятием «чистых отношений», введенным Гидденсом для описания процессов реструктуризации интимности, характерных для западных обществ. «Чистые отношения» – это отношения «ради самого себя», которые продолжают-ся «до тех пор, пока обе стороны думают, что они каждому из индивидов доставляют достаточно удовольствия, чтобы оставаться в их рамках» (Гидденс 2004: 80). Брак, по мнению ученого (конечно, не во всех социальных слоях и возрастных группах общества), развивается в направлении «чистых отношений». Молодые взрослые находятся в авангарде этого процесса «трансформации интимности».

Респонденты, принявшие участие в исследовании, выстраивая различные формы партнерских отношений, не следуют предписанным гендерным ролям и образцам семейной жизни. Они активно вырабатывают собственные принципы взаимоотношений, переформулируют роли, наполняют их новым содержанием, ориентируясь на свои потребности и учитывая интересы партнера. Такие стратегии основываются на рефлексивности, осознании ценности отношений в контексте более широкого жизненного проекта, в то время как официальный дискурс рассматривает семейные отношения молодых людей исключительно в контексте формальных супружеских ролей и биологизированного родительства как элементов дискурсивной конструкции молодой семьи. Молодая семья оказывается вписанной в узкие рамки формального брака, нацеленного на воспроизводство «здорового потомства», «полноценного воспитания и социализации детей», обеспечивающего «формирование российского самосознания, гражданственности и преемственности народных и национальных социокультурных ценностей у своих детей». Таким образом, очевидным становится несоответствие между официальным дискурсом о семье и представлениями о семейной жизни молодых людей. Если в первом случае акцент делается на выполнении семейных и родительских ролей и предписанных функций, связанных с нормирующими представлениями о возрасте, то во втором случае главным для партнеров является качество отношений, возможность их переопределения. Для достижения оптимальных для себя «хороших отношений» молодые взрослые готовы тратить свое время, материальные и эмоциональные ресурсы, оставляя за собой право отодвигать время принятия решений относительно таких значимых событий, как вступление в брак и рождение ребенка. При этом практики партнерства и построения отношений не являются полностью изолированными от официальных дискурсов о «молодой благополучной семье». Молодые люди не отказываются от вступления в зарегистрированный брак и рождения детей, соглашаясь с существующими нормами брачного и репродуктивного поведения, однако они хо-

тят оставить за собой возможность выбора времени, обстоятельств и мотивов этих биографических событий.

ТРАДИЦИОННОЕ VS. СОВРЕМЕННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО

Изменения в сфере супружества, плюрализация форм и типов семьи, распространение партнерских союзов в современных обществах затрагивает не только отношения между супругами/партнерами, но также и родительско-детские отношения. Исследователи условно разделяют традиционное родительство и родительство современное, полагая, что практики последнего находят все большее распространение в западных странах (Bjorneberg 2001; Billari 2006; Чернова 2008). Современное родительство непосредственно не связано с традиционным браком и не является «естественным» продолжением брачных отношений. Для его реализации важен не просто факт заключения брака, но и такие мотивы, как стремление к эмоциональной близости и желание личной самореализации в сфере родительства. Таким образом, современное родительство, которое может осуществляться вне законодательно закрепленных рамок традиционной структуры семьи, отделяется от супружества. Следующее отличие этих двух типов родительства заключается в том, что современное родительство становится более рефлексивным, появляется так называемое сознательное, или ответственное родительство. Это означает, что родительство становится результатом индивидуального выбора мужчин и женщин, вписанного в их общий жизненный проект. Рефлексивный характер современного родительства предполагает, что супруги/партнеры планируют рождение ребенка, исходя из своих жизненных планов, выбирая наиболее оптимальное время, вписывая это событие в те или иные этапы своей жизни, например, окончание учебы, достижение определенного профессионального статуса или материального благополучия. Рефлексивность часто становится причиной отставленного родительства, когда решение о рождении ребенка принимается в более позднем возрасте (Billari 2006: 64). Отставленное родительство дает возможность для личной и профессиональной реализации, достижения социальной и психологической зрелости и готовности к осуществлению заботы о ребенке, обеспечения его благополучия. В этом смысле феномен отставленного родительства связан с изменением тех значений, которые приписываются материнству и отцовству в современном обществе.

Далее обратимся к анализу того, какие представления о родительстве, его формах и содержании характерны для официального дискурса и молодых взрослых, которые либо имеют детей либо планируют их рождение в будущем.

Современный российский официальный дискурс как о семье, так и о родительстве строится вокруг идеи о «возрождении традиционных семейных ценностей» (Розенхольм и Савкина 2009), то есть о браке как поведенческой норме и безусловной ценности для подавляющего большинства мужчин и женщин. Так, по словам Дмитрия Медведева, основная задача проведения Года семьи в России в 2008 году состояла в том, чтобы «вернуть российской семье тот авторитет, который она имела в начале прошлого века». Эта фраза, с одной стороны, содержит

явную отсылку к традиционным ценностям, характерным для дореволюционного российского общества, а с другой – подразумевает негативную оценку советского опыта государственной политики в отношении семьи, приведшей к разрушению традиционной модели семьи. Традиционалистская семейная идеология предполагает, что брак заключается один раз на всю жизнь, обеспечивает деторождение и регламентирует сексуальность. При этом основная функция семьи, с точки зрения государства – обеспечение не только воспроизводства, но и прироста населения.

Пронаталистский вариант современной семейной политики, в пользу которого сделало выбор государство, ориентирован на предоставление материальной поддержки семье в период «от зачатия до младенчества». Менее пристальное внимание уделяется целому ряду вопросов, связанных с высоким уровнем «реальных» затрат семьи по уходу и воспитанию ребенка, решением жилищных проблем, а также поиском мест в детских дошкольных заведениях в условиях их резкого дефицита. Государственная политика не предоставляет работающим матерям возможность оптимального совмещения семейных и профессиональных обязанностей (например, работа «part-time» или гибкий рабочий график). Особенно актуальна подобная поддержка для молодых родителей, поскольку они, с одной стороны, не в полной мере экономически состоятельны и самостоятельны, а с другой – именно обеспечение ухода и заботы о маленьких детях требует значительных материальных и временных затрат. Таким образом, происходит сведение всего многообразия функций, выполняемых семьей в современном обществе, исключительно к репродукции. Однодетные и малодетные семьи рассматриваются в рамках традиционалистского дискурса как негативное явление. В качестве нормативного типа провозглашается полная семья с двумя и более детьми.

Как отмечалось ранее, целевой группой, на которую главным образом ориентирован официальный дискурс, выступает молодежь, поскольку именно от нее ожидается выполнение репродуктивных функций и обеспечение физического и «нравственного» воспроизводства нации. Например, Концепция государственной политики в отношении молодой семьи (2007) утверждает, что «деторождение, а, следовательно, будущее нации, в основном связано с молодой семьей». Таким образом, официальный дискурс ориентирован на закрепление нормы раннего вступления в брак и рождение детей. В отличие от западных постиндустриальных обществ, где молодежь не выделяется в отдельную категорию населения в связи с ее репродуктивным потенциалом и где отставленное родительство и позднее вступление в брак становится одним из вариантов социально одобряемого поведения, российская современная государственная политика направлена на производство и закрепление репродуктивных норм, связанных с количеством детей и возрастом деторождения. Риторика официального дискурса связана с продвижением традиционных семейных ценностей, стремлением «вернуть авторитет семье», при этом она не содержит эксплицитной модели родительства. Родители наделяются правами и обязанностями перед детьми, за исполнением которых обязано следить государство, при этом роли матерей и отцов нигде не прописаны, они базируются лишь на конвенциональных представлениях о материнстве и отцовстве, «родительском инстинкте». По сути, родительство оказывается в большой степени био-

логически фундированным, гендерно асимметричным, приобретает характер подотчетной государству обязанности женщин и мужчин.

Как в официальном дискурсе, так и на уровне обыденных представлений, характерных для молодых людей, родительство непосредственно связано с супружеством. «Гражданский брак» в большинстве случаев не воспринимается как тип отношений, подходящий для рождения и воспитания детей. Так, молодые взрослые полагают, что супруги, не зарегистрировавшие брак, столкнутся с бюрократическими сложностями при установлении отцовства (хотя опыт пар, имеющих детей, показывает, что на практике эти барьеры могут быть легко преодолены), что права ребенка (или родителей) будут не защищены в случае развода или смерти одного из партнеров, а кроме того, информация об отсутствии регистрации родителей может нанести вред психическому здоровью ребенка. Например, Инна и Антон акцентируют значение брака для защиты прав и интересов ребенка. Они планируют зарегистрировать свои отношения именно в связи с желанием в будущем родить ребенка: «[Регистрировать отношения нужно] только для ребенка, и мы с ним [с Антоном] разбежимся если так, то ничего, а когда уже ребенок, и брак не зарегистрирован, как-то хочется защитить нашего ребенка» (Инна, 22 года). «Когда нормальные человеческие отношения, какой смысл в печати? По-моему, только социальная защита ребенка, больше ничего» (Антон, 30 лет).

Для молодых взрослых родительство приобретает рефлексивный характер. Они имеют достаточно четкие представления о своих репродуктивных планах, которые вписаны в общий жизненный проект, включающий также карьерные планы и представления о желаемом стиле жизни. Примером такого рефлексивного отношения к родительству является интервью с Диной. Дина – молодая женщина, которая недавно закончила вуз и на данном этапе строит профессиональные планы. Ее партнер Илья думает об эмиграции, выбирая страну с наиболее подходящими для него условиями жизни и работы. Все эти контексты актуализируются в рассказе о репродуктивных планах.

Но дети – это все-таки такой момент, что ты должен реально на какое-то количество лет где-то конкретно обосноваться. Поэтому, если Илья так реально не хочет жить в России, мы же не можем его здесь держать. Я считаю, что он должен получить свое количество опыта жизни там, где ему хочется жить. То есть резюме такое, что мы еще находимся в стадии определения. Несмотря ни на что. У меня сейчас тоже такое смутное время, потому что закончу университет, я в принципе должна чем-то новым начать заниматься, но пока еще не придумала конкретно, чем (Дина, 23 года).

В других интервью респонденты также неоднократно подчеркивали, что рождение ребенка должно являться результатом сознательного выбора каждого партнера, при этом решение должно приниматься совместно, когда обговариваются не только желаемое для пары количество детей и время их рождения, но и необходимые для этого жизненные условия. Отношение к будущему родительству как к совместному сознательному выбору демонстрируют как девушки, так и юноши, участвовавшие в интервью.

Наверно, должны долго думать, в первую очередь, нужно им это или нет. Потому что многие не думают. Многие просто хотят по каким-то там... образно что ли... мысленным образом, что как они будут с этим ребенком там представлять себя в роли матери, «а-ля Барби», когда у них был период вот этот. А должны, в первую очередь, думать действительно (Никита, 21 год).

Молодые взрослые имеют достаточно определенные представления о желаемом количестве детей. Проект ответственного родительства, на который ориентированы партнеры, не является иллюзорным, а имеет вполне конкретные очертания. Появление детей вписано в этапы жизненного цикла партнеров, связано с карьерными планами и этапами жизненного цикла семьи (Кессели и Роткирх 2009). Так, Инна планирует не только количество детей, но и обозначает наиболее подходящий возраст для их рождения в контексте выстраивания долгосрочных семейных отношений и жизненных стратегий.

На самом деле, я хочу четверых детей. [...] Мы так примерно рассчитали, когда Паше будет 25, а мне 28, тогда уже у нас, возможно, появится первый малыш, мне еще ждать три года. [...] Я хочу каждые 5 лет рожать ребенка, то есть в 28, 32, 38, 42. Последнего я хочу родить в 42. У меня стойкое ощущение того, что мужчины начинают расслабляться по жизни, когда считают, что они воспитали детей, и поэтому, чтобы он не расслаблялся, потому что у них программа: маленький ребенок – надо поднимать, маленький ребенок – надо поднимать. И доказано, что мужчины, которые в большом возрасте, даже пожилым, уже имеют еще не поставленных на ноги детей, они больше крутятся, более успешны в бизнесе. Почему, например, многие мужчины уходят от своих жен, имея, там, двое детей, и женятся на молодых, которые рожают им детей. Это именно катализатор непосредственно, как говорят: приходит ребенок – приходят и деньги, и сила на его воспитание (Инна, 25 лет).

Несмотря на то, что в приведенной выше цитате респондентка говорит о том, что хотела бы иметь четверых детей, большинство участников исследования ориентируются на двухдетную модель семьи. Один ребенок воспринимается как несоответствующий желаемому образцу семьи. Кроме того, по их мнению, однодетная модель семьи не будет способствовать успешной социализации ребенка, «ребенок будет эгоистом». Идея рождения трех или более детей является привлекательной для молодых людей. Однако в отличие от двухдетного идеала, который воспринимается как репродуктивная норма или «обязательная программа», рождение большего числа детей возможно только при особых благоприятных условиях, в первую очередь, материальных: «[детей] скорее всего, будет два, если все нормально. А дальше уже как жизнь там... Знаешь, третий – это нужно статус изменить слегка, чтобы третьего заводить, потому что это все-таки уже такой скачок по расходам серьезный» (Юрий, 32 года). Примечательно, что именно в нарративах о желаемой модели семьи с тремя детьми (в редких случаях – и больше) можно обнаружить присутствие фрагментов «высоких» официальных дискурсов о нации и демографической ситуации в стране: «“третьего – чтоб Китай побить” – есть такая поговорка», «надо как-то помогать демографии».

Молодые взрослые не только обсуждают количество и время появления детей, но и формулируют условия, при достижении которых они готовы стать родителями. К наиболее часто проблематизируемым респондентами условиям относятся жилье, доход и карьера. Наличие собственного жилья, отдельного от членов старшего поколения семьи, отвечающего стандартам жизни среднего класса в отношении комфорта, благоустроенности и размеров, является обязательным условием для реализации репродуктивных планов. Наличие жилья и его площадь выступают одним из ведущих факторов при планировании размеров семьи. Будущие родители имеют определенные представления о нормах обеспеченности жильем членов семьи: «Двух детей в одну комнату легко поселить, а вот трех – уже тяжело. То есть на двух детей одну комнату можно заводить, а на трех одну – уже плохо заводить. Это детский сад какой-то. Я понимаю, что отлично живут там... две двухэтажные кровати ставят, четыре ребенка в одной комнате, но это как-то...» (Юрий, 32 года).

Другим важным условием для принятия решения о рождении ребенка, по мнению респондентов, является уровень семейного дохода. Хотя в интервью молодые взрослые не указывали конкретных сумм, на которые они рассчитывают, желаемый доход определялся через потребление, соответствующее уровню жизни среднего класса, который позволит полностью реализовать проект ответственного родительства. «Как я себе стараюсь ни в чем не отказывать в плане покупок, отдыха, слежу за собой, и в плане здоровья, так и для ребенка хотелось бы иметь все самое лучшее. Тем более сейчас столько возможностей и в плане образования, развития, возможность посещать врача хорошего» (Света, 27 лет). Эта цитата является показательной, так как позволяет выделить притязания и потребительские стандарты, на которые ориентированы молодые взрослые, планирующие свое будущее родительство. Они не только сами являются активными потребителями товаров и услуг, но и готовы инвестировать деньги в развитие, воспитание и образование своих детей. Желание достигнуть определенного уровня дохода, осознание необходимых трат на воспитание детей, стремление соответствовать определенному уровню жизни для детей и себя приводят к откладыванию решения о рождении ребенка до момента приобретения необходимого экономического и социального статуса и являются важной частью проекта ответственного родительства.

Не только материальные факторы и представления о стандартах потребления задают необходимые условия для принятия молодыми взрослыми решения о рождении ребенка. Гораздо более значимым, по мнению респондентов, является карьерный рост и профессиональная самореализация. Респонденты не готовы полностью отказаться как от работы в пользу семьи, так и от семьи в пользу работы. Напротив, они стремятся достигнуть баланса между профессиональными, семейными и родительскими обязанностями. Как правило, общим представлением о том, как это равновесие может быть достигнуто, является следующая схема реализации жизненного проекта: сначала получение высшего образования, затем достижение определенного профессионального статуса и только после этого рождение ребенка (чему, как правило, должна предшествовать официальная регистрация брака).

Проблема соотношения времени рождения ребенка с профессиональными планами особенно актуальна для молодых женщин. Это обусловлено тем, что и

молодые мужчины, и женщины, принявшие участие в исследовании, имеют сходные представления о том, что именно матери должны выполнять большую часть заботы, связанной с уходом и воспитанием ребенка. Данная установка, предполагающая гендерную асимметрию в сфере родительства, означает, что для женщин рождение ребенка означает снижение, а в некоторых случаях и полную потерю профессиональной конкурентоспособности, что существенным образом снижает шансы молодых матерей на рынке труда и ставит их в невыгодное по сравнению с мужчинами и бездетными женщинами экономическое положение. Поэтому молодые женщины стремятся сначала сделать карьерный задел, максимально инвестировать собственное время и усилия в профессиональный рост для того, чтобы иметь возможность после выхода из отпуска по уходу за ребенком с минимальными потерями включиться в профессиональную деятельность. Значимость профессиональной реализации для идентичности и жизненного проекта молодых женщин подтверждают следующие цитаты из интервью:

Я очень хочу работать, на самом деле действительно очень хочу работать, мне комфортно, когда я работаю [... Профессиональная реализация важна] очень сильно. Я сейчас реализовалась на данном этапе в личной жизни. Если разделить жизнь на блоки, то с этим блоком у меня все в порядке; у меня сейчас и учеба та, которую я хотела, очень хороший интересный факультет. Но вот у меня сейчас основное – это именно карьера (Алена, 22 года).

Показательно, что молодые мужчины не проблематизируют для себя вопрос совмещения отцовских и профессиональных обязанностей, соглашаясь с традиционным разделением гендерных ролей, при котором мужчина преимущественно выполняет роль добытчика, а женщина занимается уходом за ребенком и ведением домашнего хозяйства.

Я бы, конечно, хотел, чтобы она побольше дома бывала. То, что Алена сейчас так плотно работает, не очень меня устраивает [...]. Не женское это дело – с пяти утра до десяти вечера работать где-то, баранку крутить [...]. Сейчас у нее работа связана с промо-акциями, это разовый вариант, есть проект – есть работа. Мне повезло, у меня три года подряд без перерыва было. Я бы, конечно, хотел, чтобы она побольше дома бывала. Я бы дискомфортно себя ощущал, если бы Алена зарабатывала на порядок больше меня [...]. Сначала бы расстраивался, а потом собрал бы вещи и ушел. Есть какое-то разумное процентное соотношение зарплат. Вот приемлемо 50 на 50, 60 на 40. Женщина рано или поздно все-таки должна воспитывать ребенка, рожать ребенка и заниматься ребенком. Хотя бы первые года два–три она должна уделять внимание ребенку, маленькому существу. Это большая ответственная работа. А моя задача на тот момент будет обеспечить им полностью нормальное, достойное существование (Вадим, 29 лет).

Стратегия отставленного родительства для молодых мужчин приобретает другое значение, чем для женщин. Если женщины должны делать выбор между материнством и карьерой или находить способы оптимального совмещения двух типов

ролей, то для мужчин проблема выбора и поиска баланса не является актуальной. Для них стратегия отставленного родительства обусловлена стремлением соответствовать традиционной гендерной роли мужчины-«добытчика» и объясняется необходимостью достигнуть определенного уровня дохода, позволяющего содержать семью в соответствии с желаемыми стандартами потребления. Таким образом, проблема совмещения родительских и профессиональных обязанностей для них не актуальна, поскольку выбор заведомо уже сделан в пользу карьеры как источника экономического благополучия. Более того, те мужчины, которые жертвуют профессиональными интересами ради семьи, оцениваются негативно и считаются неудачниками, достойными жалости. Яркой иллюстрацией является рассказ одного из респондентов о своем друге, который вынужден отказаться от возможностей профессионального роста из-за необходимости содержать жену и ребенка.

Один [друг], у него родилась дочка, и все, он, получается, пропал фактически для нас. Не факт, что он менее счастлив, возможно, он сейчас более счастливый человек, но я просто чувствую [...]. Я, естественно, проецирую это на себя, чтобы понимать, как это будет для меня. Второй момент, он работает на работе полтора года. Он говорит: «Я готов убить своего начальника, потому что у нас жестокие с ним разногласия, я не могу смотреть на него, я с ненавистью каждое утро просыпаюсь, но я понимаю, что не могу куда-то уйти, поскольку мне надо дочку кормить, жена сидит с дочкой, а меня эта работа бесит, я ничего не могу сделать». Получается, что даже его профессиональный рост, его карьерная лестница тоже остановилась, то есть, он завис в этом месте, и он не может ничего сделать. Рождение дочки заблокировало карьерный рост, и он ничего не может сделать при всем желании, хотя он парень неглупый, он может, он хочет, но просто вот... (Павел, 23 года).

Несмотря на то, что на уровне абстрактных представлений о принципах разделения ролей по признаку пола молодые мужчины часто придерживаются эгалитарной гендерной идеологии, на уровне повседневного взаимодействия, прежде всего, в сфере родительства, они склонны следовать традиционным гендерным ожиданиям. Такая стратегия поведения молодых людей может быть названа «прагматическим эгалитаризмом» (Meuser 2003), когда гендерное равенство является не абсолютным императивом, а окказиональной тактикой, позволяющей избежать конфликтов с партнершей, максимизировать прибыли и минимизировать издержки совместного проживания. Примером такого «прагматического эгалитаризма» является следующая цитата из интервью с Игорем, который соглашается с идеей гендерного равенства, при этом настаивая на выполнении партнершей традиционных женских ролей, связанных с уходом и воспитанием детей.

На самом деле, мне кажется, равноправие должно быть полное, ну, на мой личный взгляд [...]. Ну, на самом деле, в идеале женщина, конечно, не должна работать. Если ей хочется работать, пусть она идет работает, но если у нее будет куча всяких дел, и ей, в принципе, не захочется работать, ей захочется, не знаю, заниматься своей жизнью, детьми, рисовать, все, что угодно делать, если она не хочет, пускай не работает. То есть, это было бы идеально. А если хочет работать,

пускай идет работает, строит карьеру и так далее, но при этом дети, конечно, должны быть всегда причесаны, умыты и одеты (Игорь, 30 лет).

Итак, в отличие от официального дискурса, который задает четкие возрастные границы не только для вступления в брак, но и для рождения детей, молодые взрослые в своей повседневной жизни в меньшей степени ориентируются на возраст при принятии решения о рождении ребенка, в большей степени принимая в расчет достижение профессионального, социального и экономического статуса как первостепенных условий для реализации родительства. В рамках государственной политики родительство предстает как биологическая функция, связанная, прежде всего, с рождением детей, что подкрепляется государственной риторикой о сохранении и воспроизводстве нации. Для молодых взрослых родительство является важным этапом жизненного цикла, элементом идентичности как женщин, так и мужчин. Однако ожидания будущих родителей связаны с созданием соответствующих условий для обеспечения благополучия ребенка. Осознание материальных, временных и эмоциональных издержек будущего материнства и отцовства связано с тем, что родительство является результатом обдуманного выбора, семейного планирования, вписанного в жизненный проект молодых людей.

Молодые взрослые не отказываются от брака и деторождения, наоборот, они ориентированы на репродуктивную норму двухдетности (а при удачных обстоятельствах – и на большее количество детей). Основной разрыв между официальным дискурсом и повседневными представлениями связан со временем рождения детей. Молодые люди стремятся получить «тайм-аут» для того, чтобы посвятить его своей карьере и саморазвитию, откладывая принятия жизненно важных решений, касающихся брака и рождения детей. Политика же государства не предполагает наличия «времени на раздумья» в биографиях молодых людей, ожидая от них раннего вступления в брак и деторождения. Можно предположить, что отказ от пронаталистской модели семейной политики в пользу политики «дружественной семьи», обеспечивающей разнообразные поддержки для родителей, находящихся на этапе профессионального роста, позволил бы изменить существующие репродуктивные паттерны, превратив двухдетную семью из идеальной модели в широко распространенную модель реального поведения молодых людей.

ВТОРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД: ЗАПАДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТЫ

В современных западных странах в последние десятилетия происходят существенные изменения в области гендерных отношений, демографического и семейного поведения мужчин и женщин. Второй демографический переход, который переживают страны Западной Европы с середины 1970-х годов, рассматривается голландским демографом Дирком Ван де Каа (Van de Kaa 1987) как результат движения общественного сознания от консерватизма к прогрессивности, при этом прогрессивность понимается как толерантность и восприимчи-

вость к новым ценностям и моделям поведения. Ван де Каа выделяет четыре основных черты этого перехода: 1) переход от «золотого века» брака к его закату (то есть к широкому распространению юридически неоформленных форм совместного проживания и альтернативных форм семьи); 2) переход от детоцентристской модели семьи к индивидуалистически ориентированной паре партнеров с одним ребенком; 3) переход от превентивной контрацепции, предназначенной для предотвращения раннего родительства, к сознательному планированию рождения каждого ребенка; 4) переход от унифицированной модели к плюралистическим моделям семьи. Таким образом, в области исследований демографии наиболее значимыми критериями происходящих изменений брачно-семейного поведения является распространение практики сожительства, гостевых браков, отставленного родительства, рост числа разводов, увеличение числа людей, сознательно выбирающих бездетность и/или одиночество (singlehood).

Широкое распространение гражданских (незарегистрированных) браков и партнерских отношений – как гетеросексуальных, так и гомосексуальных – в странах Западной Европы в последнее десятилетие привело к увеличению количества рождений детей у партнеров, не состоящих в зарегистрированном браке. В начале 2000-х годов почти во всех западноевропейских странах доля внебрачных рождений возросла более чем на 10%, а в некоторых странах – более чем на 50%. Для скандинавских стран характерен высокий уровень внебрачной рождаемости: уже в 1980-х годах количество внебрачных рождений в Исландии составило 64%, в Швеции – 56%, в Норвегии – 50%. В 2003 году большинство внебрачных рождений в Европе приходилось на скандинавские и североевропейские страны. В то же время в странах Южной Европы, для которых характерна традиционная гендерная культура с жестким разделением мужских и женских ролей в семье и доминированием представлений о том, что материнство является основным предназначением женщины, уровень внебрачной рождаемости увеличился менее чем на 10% (в Кипре – на 3,5%, в Греции – на 4%, по данным на 2000 год) (Чернова 2008: 247).

В последние десятилетия отставленное родительство становится распространенной практикой для многих европейских стран. Так, если в 1980 году только в некоторых странах Западной Европы средний возраст женщин при рождении первого ребенка составлял 25 лет и старше, то в 2000 году он поднялся до 30 лет (Billari 2006: 63). Данные показывают, что во всех европейских странах за последние 20 лет произошло увеличение возраста женщин при рождении первого ребенка. Если в начале 1980-х годов только в шести странах (Финляндии, Франции, ФРГ, Нидерландах, Швеции и Швейцарии) первое рождение ребенка у женщин происходило в возрасте 25 лет и старше, то к началу 2000-х годов это стало характерным практически для всех европейских стран, включая постсоветские и бывшие социалистические страны. Более того, в некоторых странах средний возраст первого рождения ребенка увеличился до 30 лет (Чернова 2008: 240). Наряду с этим, изменение репродуктивных и семейных паттернов жителей западных стран выражается в увеличении числа разводов и, как следствие, росте числа родителей, воспитывающих детей в одиночку.

Таким образом, второй демографический переход в западном обществе связан с изменением гендерной культуры и увеличением экономической эмансипации женщин, следствием чего является плюрализация семейных отношений, разделение супружества и родительства как на уровне смыслов и значений, которые вкладываются в эти понятия, так и на уровне институциональных норм. Родительство становится более многообразным, оно основывается не только на биологическом родстве между родителем и ребенком, но прежде всего на отношениях заботы и эмоциональной близости. В центре внимания оказались вопросы качества взаимоотношений и социальной заботы о детях. Родительство как «проект» соотносится с более широкими жизненными планами мужчин и женщин: карьера, материальное благополучие, личностная самореализация.

Отечественные исследователи отмечают изменения, аналогичные западным тенденциям, что позволяет им говорить о втором демографическом переходе в России (Демографическая модернизация России... 2006; Захаров 2006). Однако, по-нашему мнению, в российском обществе второй демографический переход имеет свою специфику. Изменения таких показателей, как увеличение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка в России являются не такими значимыми, как на Западе. Так, в 1926 году средний возраст вступления в первый брак для женщин составил 20,9 лет, в 1979 году – 21,5 лет, в 1989 году – 21,6 лет, в 2002 году – 23,5 лет (Захаров 2006). Аналогичным образом изменялся средний возраст матери при рождении первого ребенка: к 2007 году он составил 24,3 года (Захаров 2008). А вот другие индикаторы трансформаций брачно-репродуктивного поведения в России находятся на уровне западных показателей. Прежде всего это количество незарегистрированных союзов (гражданских браков) и доля внебрачных рождений. В России, по данным переписи населения 2002 года, 11% от общего числа заявленных брачных союзов составили незарегистрированные браки (Вовк 2005). Для сравнения: в США в 2000 году число пар, проживающих совместно без регистрации брака, составило около 9% от всех союзов (Dush, Cohan, and Amato 2003), а в Польше на 2006 год – 4,5% (Matysiak 2009). Перепись 2002 года зафиксировала, что доля рождений вне брака в России в период с 1989 по 2002 год составила 30% от общего числа ежегодных рождений, и почти половина из них были зарегистрированы по совместному заявлению родителей (Вовк 2005). Для западноевропейских стран максимальные показатели доли внебрачных рождений в 2003 году, как уже говорилось выше, были отмечены в Исландии, Швеции и Норвегии. При этом минимальные показатели наблюдались в Польше – 15,8%, Лихтенштейне – 15,6% и Италии – 13,6% (Чернова 2008: 246–247).

В западных странах второй демографический переход был встроен в общую логику либерализации гендерных отношений, демократизации интимности и экономической эмансипации женщин, что делает его основные показатели взаимосвязанными друг с другом. Все большее число мужчин и женщин имеют опыт партнерских отношений, откладывают момент вступления в официальный брак и рождения детей, помещая эти решения в более широкий контекст своих жизненных планов, делая партнерство и родительство сознательной частью своего жиз-

ненного проекта наряду с карьерой и стремлением к самореализации. По нашему мнению, говорить о втором демографическом переходе в контексте современного российского общества проблематично, так как не происходит изменений всей совокупности показателей, выделенных Ван де Каа. Наблюдающиеся изменения, скорее, указывают на наложение и сосуществование противоречивых трендов: либерального, проявляющегося в широком распространении незарегистрированных союзов и высокой доле внебрачных рождений, и традиционного, связанного с формально регламентированными нормами брачно-репродуктивного поведения, предполагающими относительно раннее вступление в брак и рождение первого ребенка. Политические документы и интервью с представителями городского образованного среднего класса иллюстрируют сложность и противоречивость тенденций изменения гендерных отношений в сфере семьи и родительства в России. Если риторика и идеология, представленные в официальном дискурсе о семье и родительстве, задают традиционалистский вектор этих изменений, то интервью репрезентируют многообразие либеральных паттернов реструктуризации интимности. Вместе с тем, очевидна не только диаметрально противоположная направленность этих измерений гендерного порядка современного российского общества, но и некогерентность каждого из выделенных трендов. Например, молодые люди, состоящие в «гражданском браке», не считают этот тип отношений подходящим для рождения и воспитания детей, полагая зарегистрированный брак с традиционным гендерным разделением ролей наиболее соответствующей этим целям формой интимного союза.

Прагматический эгалитаризм также является свидетельством данной неоднозначности. Молодые взрослые декларируют приверженность идеологии гендерного равенства, а также выстраивают партнерские отношения на эгалитарных основаниях, однако будущее родительство мыслится ими в категориях традиционных гендерных ролей, когда от женщины ожидается большая включенность в выполнение материнских и домашних обязанностей, а от мужчины – полное обеспечение экономического благосостояния семьи. Проект ответственного родительства имеет разный смысл для мужчин и женщин. Для мужчин он связан, главным образом, с принятием решения о рождении ребенка, а для женщин – с выстраиванием стратегии оптимального совмещения профессиональных и семейных обязанностей без ущерба для личностной самореализации.

Сравнительный анализ официального дискурса и разнообразия смыслов, которыми наделяют родительство и супружество молодые взрослые, позволяет выделить основные точки разрыва между государственной политикой и повседневными практиками супружеских и родительских отношений. В государственной риторике возрастная группа, которая соответствует введенному нами понятию «молодые взрослые», представлена дискурсом о «молодой семье». Конституируемый нормативный образец благополучной молодой семьи задает жесткие требования относительно брачного и репродуктивного поведения молодых людей, четко определяя возрастное измерение супружеских и родительских ролей. При этом партнерство и отставленное родительство не включены в модель благополучной семьи, на которую ориентирована современная российская молодежная семейная

политика. Дискурс о благополучной семье не принимает во внимание разнообразия форм семейных отношений и интимных союзов, более того, рассматривает «внеfamilial образ жизни» как «вредную» патологию.

Таким образом, второй демографический переход в российском обществе является незаконченным, состоящим из множества противоречивых тенденций. Можно предположить, что молодые взрослые, являясь представителями городского образованного среднего класса и обладая высокими жизненными шансами, выступают субъектами второго демографического перехода в России. Именно для них релевантна проблематика выбора, характерна высокая степень рефлексивности и высокие жизненные притязания в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арьес, Филипп. 1999 (1960). *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке* / Пер. с фр. Ярослава Старцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Бауман, Зигмунт. 2008 (2000). *Текущая современность* / Пер. с англ. Сергея Комарова под ред. Юрия Асочакова. СПб.: Питер.
- Бек, Ульрих. 2000 (1992). *Общество риска. На пути к другому модерну* / Пер. с нем. Владимира Седельника и Нины Федоровой. М.: Прогресс-традиция.
- Вовк, Елена. 2005. Незарегистрированные интимные союзы: «кразновидности» брака или «альтернативы» ему? // *Социальная реальность*. № 1 // База данных ФОМ. http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103. Дата обращения: 21.12.2010.
- Гидденс, Энтони. 2004 (1992). *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах* / Пер. с англ. Владимира Анурина. СПб.: Питер.
- Гидденс, Энтони. 1999. *Социология*. М.: Едиториал УРСС.
- Гидденс, Энтони. 2005 (1997). *Социология*. М.: Едиториал УРСС.
- Гладарев, Борис и Жанна Цинман. 2009. Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 189–221.
- Гурко, Татьяна. 2008. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // *Власть*. № 6. С. 10–14. <http://viperson.ru/data/200812/Gurko.pdf>. Дата обращения: 21.12.2010.
- Демографическая модернизация России: 1900–2000*. 2006 / Под ред. Анатолия Вишневского. М.: Новое издательство.
- Захаров, Сергей. 2006. Брачность в России: история и современность // *Демоскоп-Weekly*. № 261–262. <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema04.php>. Дата обращения: 21.12.2010.
- Захаров, Сергей. 2008. Российская рождаемость – долгожданный рост? // *Демоскоп-Weekly*. № 353–354. <http://demoscope.ru/weekly/2008/0353/tema03.php>. Дата обращения: 21.12.2010.
- Кессели, Катя и Анна Роткирх. 2009. Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских женщин // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 427–455.
- Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2005 г. № 865 «О дополнительных мерах по реализации федеральной целевой программы “Жилище” на 2002–2010 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 февраля 2006 г. № 6. ст. 694.
- Розенхольм, Арья и Ирина Савкина. 2009. «Роди патриота – спаси Россию!» (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В.В. Путина) // *Гендерные исследования*. № 18. С. 266–282.
- Чернова, Жанна. 2008. *Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ*. СПб.: Норма.

- Чернова, Жанна. 2010. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 23–42.
- Шпаковская, Лариса. 2009. «Мой дом – моя крепость»: Обустройство жилья нового среднего класса // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 221–261.
- Arnett, Jeffrey Jensen. 2004. *Emerging Adulthood: the Winding Road from The Late Teens through The Twenties*. New York: Oxford University Press.
- Billari, Francesco C. 2006. "The Transition to Parenthood in European Societies." Pp. 63–111 in: *Policy Implications of Changing Family Formation: Study Prepared for the European Population Conference 2005*. Edited by Linda Hantrais, Dimiter Philipov, and Francesco C. Billari. Strasbourg: Council of Europe.
- Bjorneberg, Ulla. 2001. "Parenting in Transition: An Introduction and Summary." Pp. 1–29 in: *European Parents in the 1990s. Contradictions and Comparisons*. Edited by Ulla Bjorneberg. New Brunswick; New York: Transaction Publishers.
- Dush, Claire M. Kamp, Catherine L. Cohan, and Paul R. Amato. 2003. "The Relationship Between Cohabitation and Marital Quality and Stability: Change across Cohorts?" *Journal of Marriage and Family* 65(3):539–549.
- Featherman, David. 1983. The Life-Span Perspective in Social Science Research. Pp. 1–57 in: *Lifespan Development and Behavior*. Vol. 5. Edited by Paul B. Baltes and Orville G. Brim. New York: Academic Press.
- Handbook of the Life Course*. 2002. Edited by Jeylan T. Mortimer and Michael J. Shanahan. New York: Plenum.
- Luhmann, Niklas. 1986. *Love as Passion: The Codification of Intimacy*. Cambridge: Polity Press.
- Matysiak, Anna. 2009. "Is Poland Really 'Immune' to the Spread of Cohabitation?" *Demographic Research* 21(8):215–234.
- Meuser, Michael. 2003. "Modernized Masculinities? Continuities, Challenges and Changes in Men's Lives." Pp. 127–148 in: *Among Men: Moulding Masculinities*. Vol. 1. Edited by Søren Ervø and Thomas Johannson. Aldershot: Ashgate.
- Seltzer, Judith A. 2000. "Families Formed Outside of Marriage." *Journal of Marriage and Family* 62(4):1247–1268.
- Van de Kaa, D.J. 1987. "Europe's Second Demographic Transition." *Population Bulletin* 42(1).